

© 1995 г. Ю.А. СОРОКИН

**РЕЧЕВЫЕ МАРКЕРЫ ЭТНИЧЕСКИХ
И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПОРТРЕТОВ И АВТОПОРТРЕТОВ**
(Какими мы видим себя и других)

Процессы идентификации и самоидентификации тесно связаны между собой в ходе их осуществляется приписывание определенных признаков некоторым объектам (в данном случае – представителям тех или иных этносов), носящих ярко выраженный аксиологический характер. Но не только это объединяет вышеуказанные процессы. По-видимому, они существуют как противопоставленные (оппозитивные) единства. Без идентификации не существует и самоидентификации и, наоборот, без самоидентификации не существует идентификации. Идентификация как приписывание оценок кому-либо предполагает и собственную оценку, причем эта оценка является, как правило, весьма расплывчатой (полуосознаваемой/бессознательной) и требует значительных рефлексивных усилий при ее экспликации. Иными словами, идентификация и самоидентификация – это оппозитивное и диалогическое единство. Это диада, в рамках которой соотносятся и ранжируются определенные этнические качества (свойства).

Роль такого соотнесения и ранжирования нельзя недооценивать. Оценки (чужих) и самооценки как ментальные стереотипы (как неосознаваемые или полуосознаваемые установки) предопределяют готовность или неготовность к вербальному и невербальному общению или к отказу от него и влияют на характер самого общения (конфликтующий или гармонизирующий). Кроме того, сопоставление оценок (чужих) и самооценок позволяет, по-видимому, увеличить поле телерантности, ибо рефлексия по поводу "своих и чужих" в равной мере не позволяет существовать как тем, так и другим этническим предпочтениям.

Для выяснения характера таких оценок и самооценок, рассматриваемых в качестве этнических портретов и автопортретов, мы предлагали следующую анкету:

возраст _____ пол _____ национальность _____

кто ваши родители по профессии? _____

бывали вы в других странах (в каких?) _____

(американцы, японцы, русские) – какие они? – напишите 5 слов, характеризующих их как народ

назовите 3–5 выдающихся американцев (японцев, русских), которые можно было бы включить в "коллективный портрет" американского (японского, русского) народа

Для испытуемых (ии.) русских (17 человек, московские студенты-англисты 20–22 лет) портрет американцев существует в виде следующего набора качеств-оценок:

1. деловые, предприимчивые, бизнесмены (10 ответов),
2. открытые, раскованные, без комплексов (9),
3. улыбчивые (8),
4. индивидуалисты, живут своими проблемами (6),
5. коммуникабельные, общительные (4),
6. свободные, гостеприимные (2),
7. расчетливые, меркантильные, корыстные, прагматичные, мало читают, мало образованы, ограниченные, поверхностные, трудолюбивые, нескрывающие, интересные собеседники, целеустремленные, искренние, остроумные, спортивные, патристичные, энергичные, богатые, довольные, шумные (1).

В свою очередь, для американских испытуемых (всего 9 студентов-русистов 20–22 лет) портрет русских можно представить следующим образом:

1. начитанные, образованные (5),
2. умные, щедрые, немотивированные (незаинтересованные, без стимулов к жизни) (3),
3. гостеприимные, находчивые, серьезные, надежные друзья (2),
4. добрые, интересные, патристичные, много работают, занятые, слишком много пьют, агрессивные, беспомощные, ленивые, мрачные, печальные, несчастные, заботливые, разные (1).

По мнению тех же девяти студентов, в американский этнический портрет (в этнический автостеротип) входят следующие качества-оценки:

1. материалисты (7),
2. дружелюбные (4),
3. расточительные (3),
4. громко говорят (шумные), любят развлечения, свободные, гордые, ориентированные [только] на себя (индивидуалисты), преданные делу, в значительной степени ориентированные на конкурентов (2),
5. много работают, целеустремленные, мотивированные, честолюбивые, изобретательные, новаторы, энтузиасты, щедрые, добрые, счастливые, всегда улыбающиеся, агрессивные, жадные, противные, высокомерные (самонадеянные), грубые, ленивые, интересующиеся телевидением (1).

Как свидетельствуют ответы русских испытуемых (те же семнадцать человек), русский автопортрет может быть представлен следующим образом:

1. гостеприимные, радушные (5),
2. добрые, душевные, терпеливые (4),
3. щедрые (3),
4. открытые, доверчивые, талантливые, изобретательные (2),
5. отзывчивые, интеллигентные, невоспитанные, задумчивые, начитанные, искренние, лицемеры, умные, ограниченные, лихие, сдержанные, оптимистичные, отчаявшиеся, веселые, несчастные, усталые, издерганные, серые, мрачные, жадные, злые, безинициативные, остроумные, великие, добродушные, неразбуженные, ленивые, бунтари, трусливые, непрехотливые, жизнестойкие, умеют приспособляться, агрессивные, упрямые, когда-нибудь взорвутся, закомплексованные, непредсказуемые (1).

А теперь, учитывая эти характеристики-оценки испытуемых, попробуем – в предварительном порядке – сделать некоторые выводы.

И портреты американцев, увиденных глазами русских, и портреты русских, увиденных глазами американцев, и автопортреты представляют собой противоречивый, но целостный набор качеств, в котором можно выделить ядро и периферию.

По аналогии с проксеимическим пространством – сугубо личным [Пиз, 1992: 24–38] – эти качества можно рассматривать как ментальное пространство сознания, предопределяющего конструктивный или деструктивный характер вербального и/или

невербального человеческого поведения. Причем, если считать, что это – "круговое пространство", то – по аналогии с герменевтическим кругом – можно говорить о существовании ментально-этнического круга (понимания), а если считать это пространство линейным, то – по аналогии с горизонтом понимания (герменевтическим горизонтом) – можно говорить и о существовании ментально-этнического горизонта понимания [Гадамер 1988: 317–363]. В свою очередь, ядро качеств в портретах "А" (американцы, увиденные глазами русских) и "Р" (русские, увиденные глазами американцев) состоит из ряда "сгустков" (квазикластеров): в портрете "А" это качества № 1–7, в портрете "Р" – качества № 1–3. Эти качества однородны в том смысле, что отсылают – за редкими исключениями – к миру положительного. В этом отношении они противопоставлены периферийным качествам – неоднородным и амбивалентным, отсылающим как к миру положительного, так и к миру отрицательного (ср. *расчетливые и умные, ограниченные и целеустремленные* – портрет "А" и *заботливые и агрессивные, добрые и ленивые* – портрет "Р"). В ряде случаев в этническом портрете оказываются совмещенными противоположные по своему характеру признаки: *гостеприимные и меркантильные/корыстные* (портрет "А"), *ленивые – много работают, добрые – агрессивные* (портрет "Р").

Аналогичным образом структурированы и автопортреты – автопортрет "А" (американцы о себе) и автопортрет "Р" (русские о себе). В этих автопортретах ядерными являются качества № 1–4, а периферийными качества под № 5. Ядерные качества также однородны и ориентированы на мир положительного (если не считать, что американские автооценки – *материалисты, расточительные, шумные, ориентированные только на себя* – имеют негативный оттенок), периферийные качества – неоднородны и амбивалентны: ср. *щедрые – жадные, много работают – ленивые* (автопортрет "А"). В нем базовые качества могут быть противопоставлены периферийным – *расточительные* (баз. кач.) – *жадные* (периф. кач.), *дружелюбные* (баз. кач.) – *высокомерные/агрессивные* (периф. кач.) или *интеллигентные – невоспитанные, искренние – лицемеры, умные – ограниченные, лихие – сдержанные, оптимистичные – отчаявшиеся, веселые – несчастные, усталые, издерганные, серые, мрачные*. Автопортрет "Р": в нем, как и в автопортрете "А", базовые качества могут быть противопоставлены периферийным – *щедрые* (баз. кач.) – *жадные* (периф. кач.), *добрые* (баз. кач.) – *злые* (периф. кач.), *изобретательные* (баз. кач.) – *безинициативные* (периф. кач.).

При сопоставлении портрета "А" (американцы, увиденные глазами русских) и автопортрета "А" (американский этнический автостереотип) выясняется, что: 1) некоторые качества оказываются совпадающими – *предприимчивые (меркантильные, корыстные, прагматичные* – портрет "А") и *материалисты* (автопортрет "А"), *улыбчивые – всегда улыбающиеся, индивидуалисты, живут своими проблемами – ориентированные (только) на себя, свободные – свободные, целеустремленные – целеустремленные, довольные – счастливые/всегда улыбающиеся, шумные – громко говорят* (по-видимому, такого рода качества являются базой, на которой может "строиться" общение и выбираться те или иные его формы – жесткие (антитолерантные/отрицательные) и мягкие (толерантные/положительные). Жесткие формы будут, очевидно, выбираться в тех случаях, когда эти качества не присущи какому-либо другому автопортрету, а отсутствие их – по тем или иным объективным причинам – осознается как этническая дефектность (этнический недостаток). Именно такое осознание и служит одной из причин возникновения этнических конфликтов. Мягкие формы выбираются тогда, когда эти качества, если они даже не присущи какому-либо другому автопортрету, осознаются как компенсированные другим набором качеств, оцениваемых столь же положительно (или еще выше); 2) в портрете "А" такие качества, как *мало читают, мало образованы, без комплексов* резко противопоставлены качествам *начитанные, закомплексованные, представленными и*

в автопортрете "Р" (русский этнический автостереотип). [Такое противопоставление, несомненно, носит конфликтный (в принципе) характер, свидетельствуя о разном популярном ментальном состоянии этнических организмов]; 3) в портрете "А" (американцы, увиденные глазами русских) и в портрете "Р" (русские, увиденные глазами американцев) совпадающими оказываются качества *гостеприимные, трудолюбивые (много работающие) и патриотичные*, которые следует, по-видимому, рассматривать в качестве общего моноаксиологического – этнико-апперцепционного фонда русских и американцев (этнико-апперцепционный фонд портрета "А" и автопортрета "А", хотя и является в ряде случаев общим, все же амбиаксиологичен).

В свою очередь, в портрете "Р" (русские, увиденные глазами американцев) и в автопортрете "Р" (русский этнический автостереотип) совпадающими оказываются такие качества, как *начитанные, умные, щедрые, гостеприимные, добрые, агрессивные, ленивые, мрачные, несчастные*. (Можно, по-видимому, предположить, что именно портреты, какова бы ни была их неполнота и неточность, характеризуются большей надежностью, чем автопортреты, амбиаксиологические по своей структуре и, тем самым, обуславливающие жесткие или мягкие формы этнического сопоставления.)

В то же время автопортреты являются одной из самых важных форм (соответствующих действительности или фантомных, принимаемых другими или нет, – это другой вопрос) этнического самосознания, позволяющих соотносить себя с другими. Если суммировать, например, качества, входящие в русский автопортрет, то он оказывается таковым: он состоит из пяти слов, и первый слой можно было бы назвать супермелиоративным слоем. В нем представлены такие качества, как *гостеприимные, радушные, добрые, душевные, щедрые, открытые, доверчивые, талантливые, изобретательные*. Второй и третий слой можно было бы назвать субмелиоративными. Во втором слое ("терпение") представлены такие качества, как *терпеливые, неприхотливые, жизнестойкие, умеют приспособливаться*, в третьем ("бунтарство") – качества следующего типа: *неразбуженные, когда-нибудь взорвутся, упрямые, непредсказуемые, агрессивные, лихие, бунтари*. Четвертый и пятый слои можно было бы назвать гиперпейоративными. В четвертом слое ("забитость") представлены такие качества, как *несчастные, отчаившиеся, усталые, издерганные, серые, мрачные, закомплексованные*, в пятом – используются столь же отрицательные, но указывающие на иные фрагменты русского психотипа характеристики – *ленивые, безинициативные, ограниченные*.

Показательно также, что результаты социологического исследования, проведенного в 1990 г. позволили выявить резкую дифференциацию в видении русскими и нерусскими студентами русской нации: "Русское самосознание (молодежное – в лице студенчества) фиксирует главные добродетели своей нации: отзывчивость и доброту, великодушие и бескорыстие в помощи (63% опрошенных русских студентов); перспективность пробуждающейся нации с неразвернутым еще потенциалом сил (61% русских студентов); веселость нравов и юмор (58% опрошенных). Показательно, что трудолюбие и умение работать – на четвертом месте в ряду добродетелей (36% респондентов из числа русских студентов). Замыкает далеко не исчерпанный список положительных качеств русской нации в целом уровень культуры, нравственность (20%). Заметим, что оценки тех же положительных качеств нерусскими студентами в большей степени противоречат самооценке русских студентов. Расхождения достигают 30 процентов" [ССР 1992: 24–25]. Ср. далее: "Непредусмотрительность русских, неосторожность, бесшабашность, лихая удаль составляют доминанту русской психологии. Рядом с этими качествами русские ставят неспешность, долговременность действий своей нации..., непродуманность решений... Русское самосознание очерчивает непрехотливость нации ... смелость, лихость... Ему не чуждо бескорыстие... Самосознание привычно к неминуемым жертвам... Вопреки ожиданиям всеми ругаемая уравниловка ... не воспринимается русскими людьми как типичная черта

нации. Уровень самооценки у русских выше по своему значению, чем уровень экспертных оценок (в качестве экспертов выступают нерусские студенты и преподаватели). Например, довольно значительны различия в оценке долговременности подготовки русских к какой-либо деятельности, привычки к тесноте, стремления к оказанию помощи нуждающимся. Нерусские студенты и преподаватели в меньшей степени видят в русских стремление поделиться последним. Интересно, что большая доля нерусских респондентов подметила в национальном характере русских разноречивость, неслаженность действий... Самосознание только одной пятой русских отдает дань таким чертам, как терпение и труд" [ССР 1992: 27–28].

Таким образом, еще раз подтверждается точка зрения Н.А. Бердяева [Бердяев 1990: 32–38; 1990-а: 115–117, 144] о полиаксиологической и противоречивой структуре этнического характера (ментального состояния) русских¹. В то же время в этом этническом автопортрете представлены, по-видимому, и фантомные (отмирающие?) качества – именно на них и указывают чужие жесткие (отрицательные) формы оценок, хотя и не исключено, что эта жесткость продиктована вырожденностью или даже отсутствием таких фантомных качеств в автопортрете оценивающих. [Возможно также, что любое этническое сопоставление строится – в зависимости от ситуации – на сильной, средней и слабой нейтрализации (если использовать термин Н.С. Трубецкого) гипермелиоративных качеств, каковыми русские считают уважение, терпимость, дружелюбие и бескорыстие [ССР 1992: 28].] и на замене их на гиперпейоративные (субпейоративные), причем замена может быть продиктована и институциональными причинами, и деформациями структуры этнического характера, объективнее фиксируемыми извне, чем изнутри.

Но так или иначе в структуре тех признаков, которые позволяют русским считать себя русскими (в составляющих этнической идентификации), происходят изменения, о чем, на наш взгляд, свидетельствует следующий список составляющих (по мере убывания их важности): происхождение, особенности национального характера, язык, единство обычаев, традиций и культурных ценностей [ССР 1992: 29]. Таким образом, качества, характеризующие русских (качества этнического ментального состояния), оказываются потесненными "происхождением", что свидетельствует, по-видимому, о снижении степени их важности и о специфической самозащите русского этноса, существующего не только в окружении чужих, но и своих гибридных/метисных форм ментальной идентификации (самоидентификации).

Рассмотрим теперь другие элементы русских и американских портретов, а именно антропонимические элементы, являющиеся специфическими аксиологическими знаками (аксиознаками), указывающими на те установки, которым следует этническое и институциональное сознание (самосознание)².

Для русских ии. антропонимический образ американцев (АОА_р) складывается из следующего набора антропонимов:

1. Рональд Рейган (7)
2. Мадонна (6)
3. Джордж Вашингтон, Майкл Джексон, Джон Кеннеди (5)
4. Марк Твен (4)
5. Мэрилин Монро, Мартин Лютер Кинг, Джордж Буш (3)
6. Рокфеллер, Линкольн, Рузвельт, Маргарет Митчелл (2)
7. Барбара Буш, Джордж Майкл, Уолт Дисней, Элвис Пресли, Джефферсон, Рокуэлл Кент, доктор Локиин (1)

Анализ этого списка (несмотря на небольшое число ии.) все же позволяет выявить

¹ Структура американского этнического характера в данном случае не рассматривается: слишком мало ии. и к тому же среди них в незначительном числе представлены юноши (такой феминистический перевес в ответах характерен, к сожалению, для всех групп ии.).

² По моему мнению, сфера этнического сознания соотносена с культурой, сфера институционального сознания – с цивилизацией.

определенные установочные тенденции: 52,4% имен отсылает к сфере политики, 30,4% – к сфере кино и эстрады (рок-певцы), 10,7% имен – это имена художников и писателей. На сферу бизнеса указывает 3,5% имен и на изобразительное искусство – 1,7%. (Конъюнктурные имена представлены тоже 1,7% – доктор Локшин.)

Для американских ии. антропонимический образ американцев (АОА_а) складывается из следующих антропонимов:

1. *Мартин Лютер Кинг* (5)
2. *Джордж Буш* (4)
3. *Джордж Вашингтон, Мадонна* (3)
4. *Джон Кеннеди, Рузвельт, Эмили Диккенсон, Микки Маусс, Дональд Трамп, Дэвид Леттерман* (2)
5. *Линкольн, Рональд Рейган, Элвис Пресли, Сайкл Джексон, Мэрилин Монро, Фрэнк Синатра, Эдгар По, Снупи* (и еще 5 имен телевизионных дикторов и актеров ТВ) (1).

В этом списке 45% имен указывает на сферу политики, 35% отсылают к сфере эстрады, ТВ и кино, 7,5% – к сфере литературы (таков процент и имен-персонажей мультфильмов), 5% – к сфере бизнеса.

Совпадающими для обоих списков являются следующие антропонимы: *Джордж Буш, Майкл Джексон, Джордж Вашингтон, Линкольн, Джон Кеннеди, Мадонна, Мартин Лютер Кинг, Мэрилин Монро, Рональд Рейган, Рузвельт, Элвис Пресли* (общий антропонимический образ-инвариант).

Сопоставление этих аксиознаков позволяет также установить, что с образом американцев связывают, прежде всего, политику (русские в большей, американцы в меньшей мере). Русские занижают интерес американцев к искусству (кино, эстрада, ТВ) и завышают их интерес к литературе (по-видимому, происходит перенос элементов своего образа в чужой). Они занижают также их интерес к бизнесу (влияние своего эталона?) хотя и у самих американцев такая ориентация оказывается наименее выраженной по сравнению с другими ориентациями.

Если считать, что только политика входит в макросферу институционального цивилизованного сознания (самосознания), а все остальные ориентации свидетельствуют об этническом сознании (самосознании), то, по мнению русских, американцы больше институциональны (52,4%), чем этничны (47,6%), а по мнению самих американцев, они больше этничны (55%), чем институциональны (45%). (По-видимому, именно на ингерентные этнические качества указывают имена-маски персонажей американских мультфильмов (мифологические имена?), отсутствующие в именнике русских ии., но характерные для именника американцев.)

Для русских ии. антропонимический образ русских (АОР_р) складывается из следующего набора антропонимов:

1. *Пушкин* (8)
2. *Толстой* (6)
3. *Петр I* (5)
4. *Достоевский* (4)
5. *Гоголь, Грозный, Ленин, Разин* (3)
6. *Высоцкий, Горбачев, А. Пугачева* (2)
7. *Бунин, Гагарин, Дзержинский, Ельцин, Лермонтов, Ломоносов, Александр Малинин, Андрей Миронов, Любовь Орлова, Пугачев, Распутин, Н. Рерих, Тургенев, Сахаров, Солженицын* (1).

В свою очередь, для американских ии. антропонимический образ русских (АОР_а) складывается из такого набора антропонимов:

1. *Горбачев* (8)
2. *Пушкин* (5)
3. *Достоевский, Петр I, Толстой, Сталин* (4)

4. Ленин (3)

5. Ахматова, группа "Кино" (2)

6. Группа "Аквариум", Борис Годунов, Иван Грозный, Ельцин, Пастернак, Сахаров, Стравинский, Хрущев, Чайковский (1).

В первом списке (АОА_р) 44,6% имен отсылает к сфере русской литературы, 37,5% – к сфере политики и 12,5% – к сфере искусства (кино, театр, эстрада). Последняя группа имен – 5,4% – оказалась неоднородной: ср. Ломоносов, Н. Рерих, Гагарин. Во втором списке (АОР_а) 53% имен отсылает к сфере политики (и истории), 35% – к сфере литературы и классической музыки и 12% – к сфере современной музыки (рок-музыка, эстрада).

Наложение этих двух антропонимических образов позволяет сделать следующие предварительные выводы: по мнению американцев, русское сознание, прежде всего, институционально (53%), а сами русские считают, что оно, прежде всего, этнично (62,5%). Американцы заигрывают интерес русских к литературе (по-видимому, перенося свое отношение к ней и на русских), но почти единодушны с русскими в оценке значимости современной музыки. Американцы полагают, также, что в русском антропонимическом образе "содержатся" и имена композиторов-классиков, что не находит, однако, подтверждения в ответах русских ии. [Эти данные позволяют, очевидно, усомниться в обоснованности мнения о политизированности русского сознания (самосознания): оно политизировано, если иметь в виду институциональное сознание (самосознание) и не учитывать противопоставленное ему этническое сознание (самосознание). Русское институциональное сознание является настолько экзальтированным (перевозбужденным – и на это существуют свои причины), ведущим, что этническое сознание воспринимается как ведомое (фоновое). Но именно этническое сознание – первично/субстратно, оказывая, конечно, влияние – неосознаваемое – на характер институционального сознания. Для этнической конфликтологии и контактологии различение этих двух форм сознания имеет немаловажное значение, позволяя отграничивать глубинные контакты от неглубинных, "жесткие" конфликты от "мягких".]

Итак, суммируя полученные результаты, мы с неизбежностью приходим к выводу о том, что этнические и институциональные портреты и автопортреты являются сверхсложными аксиолого-когнитивными феноменами, носящими редуцированный и атрибутивный и, тем самым, стереотипизированный характер (о редукации – хотя и физиогномической, но весьма важной для нас, ибо наши результаты свидетельствуют о наличии этнической и институциональной редукации – и об атрибуции, см., например, ([Абалакина, Агеев 1990: 6–28]).

Этнические и институциональные портреты и автопортреты следует рассматривать как интерферирующие неравномошные и неравноценные отдельности, "стремящиеся" к уникальности и самодостаточности, но к уникальности и самодостаточности стереотипизированной, и поэтому экспансионистской, и поэтому потенциально конфликтной.

Эти выводы подтверждаются и результатами эксперимента, в рамках которого русским ии. (37 чел., из них 27 девушек, 5 юношей, все студенты романо-германского отделения Московского Лингвистического университета в возрасте 19–22 лет) предлагалось заполнить ту же анкету, но оценивая этнические свойства (качества) японцев и русских.

По мнению русских ии., японцы могут быть охарактеризованы следующим образом:

1. трудолюбивые (15),
2. невысокие (низенькие), маленькие (13),
3. вежливые (11),
4. умные (9),
5. пунктуальные (точные) (9),
6. узкоглазые (8),

7. традиционные (консервативные) (7),
8. экономные (бережливые) (6),
9. хитрые (4),
10. улыбающиеся, расчетливые, культурные (3),
11. аккуратные, высокообразованные, деловые, добрые, занудные, изобретательные, исполнительные, практичные, рациональные, сюсюкающие (2),
12. своеобразные (внешне), быстрые (шустрые) в делах, бережливые, веселые, обязательные, культурные, целеустремленные, добросовестные, экзотичные, гостеприимные, наивные, все делающие по схеме, как автоматы, коварные, жестокие, заумные, не говорят что думают, не читают книг, стремятся всех перегнуть, глубокие (гармоничные), поэтичные (природные), "в мягких тонах", очень неглупые, разумные, тактичные, самобытные, послушные, патриотичные, дотошные, некрасивые, спокойные, законопослушные, уклончивые, организованные, пунктуальные, сдержанные, мстительные, самоуверенные, образованные, приветливые, упорные, симпатичные, урбанизированные, скромные, галантные (1).

В свою очередь, русские дают себе следующие оценки:

1. выносливые (терпеливые, неприхотливые) (16)
2. ленивые (12)
3. добрые (11),
4. гостеприимные, открытые, умные (сообразительные, смекалистые) (5)
5. щедрые, душевные (душа нараспашку) (4),
6. веселые, простодушные (добродушные) (3),
7. философичные (вдумчивые), бескультурные, талантливые, безалаберные, широкие, шарахающиеся из крайности в крайность (доходящие до крайностей), небережливые (неэкономные), грубые (хамы), без царя в голове, с большим
8. сообразительные, "живчики", коварные, отзывчивые, верные, обязательные, доверчивые, интернационалисты, рослые, гордые, разобщенные, уживчивые, замкнутые, простые, дружелюбные, сердечные, отчаянные, по своему мудрые, непонятные другим, "долго запрягают, но быстро едут" (Бисмарк), страшные, если разозлить, жалостливые, самоеды, бездарные, противные, решительные, деловые, патриотичные, всепрощенцы, крепкие, сильные, любящие, гуляющие на широкую ногу, козлы отпущения, живущие одним днем, сентиментальные, расхлябанные, занимающиеся самокопанием, мрачные, материальные, искатели града Китежа, неаккуратные, красивые, завистливые, консервативные, нетерпимые, бесшабашные, пьющие, непредсказуемые, общительные, доверчивые, упрямые, добродушные (1).

Для русских ин. антропонимический образ японцев складывается из следующего набора антропонимов (при 14 отказах от ответа среди девушек и 2 – среди юношей)³:

1. *Йоко Оно* (5),
2. *Я. Накасонэ, Куросава* (4),
3. *Хирохито, Акихито, Акутагава Рюноске, Кобе Абэ* (2),
4. *Ясунари Кавабата, Тосики Кайфу, Басе, К. Оэ, Ямасито* (7), *Ли Якокка* (1).

В русском антропонимическом образе имена имеют такое распределение:

1. *Толстой* (13),
2. *Пушкин* (10),
3. *Достоевский, Петр I* (9),
4. *Ломоносов, Есенин* (6),
5. *Чехов* (4),
6. *Николай I, Пугачев, Иван Грозный* (3),

³ Один из 5 юношей отказался ответить также и на вопрос о качествах (свойствах) русских.

7. Булгаков, Лермонтов, Цветаева, Разин, Ленин, Чернышевский (2),
 8. Бердяев, Тарас Бульба, Вересаев, Высоцкий, Гоголь, Горбачев, Даль, Давыдов, Ермак Тимофеевич, Ельцин, Иван III, Карпов, Кутузов, Лихачев, Маяковский, Менделеев, Митрофанушка, Н. Михалков, Александр Невский, Обломов, Павлова, Печорин, Распутин, Сахаров, Скобелев, Солженицын, В. Соловьев, Столыпин, Суворов, Сусанин, Чаадаев, Чайковский, Шалыпин (1).

Таким образом, принципы построения коллективных японских портретов⁴ и русских автопортретов оказываются одинаковыми с принципами построения коллективных американских и русских портретов и автопортретов: в них представлены ядерные и периферийные признаки, причем ядерные (№ 1–11 в японском коллективном портрете и № 1–7 в русском коллективном автопортрете) являются в основном положительными (аксиологически однородными), а периферийные (№ 12 в японском коллективном портрете и № 8 в русском коллективном автопортрете) – и положительным, и отрицательными (аксиологически неоднородными). Базовые признаки носят слоевой характер: каждый слой есть не что иное, как "мазок", фиксирующий определенный этнический микромодус, периферийные – находятся в турбулентном состоянии (фиксируют наличие в портрете взаимоисключающих этнических микромодусов).

В свою очередь, антропонимический фрагмент коллективного портрета японцев (японцы глазами русских) и АОР_а (антропонимический образ русских в американской аранжировке) являются неоднородными и гиперредуцированными (этот феномен можно было бы назвать феноменом антропонимического разрежения или персонафицирующей недостаточности). [В связи с вышеизложенным можно сделать следующие два предположения: 1) базовые и периферийные качества есть поле взаимных замен, степень и скорость которых свидетельствует о мере влияния институциональной (цивилизованной) среды и указывает на изменения в структуре этнического характера; 2) антропонимические фрагменты (во всяком случае русские) тех или иных портретов и автопортретов являются "шифрами", ключи к которым представлены базовыми качествами. Иными словами, любое из имен в антропонимическом фрагменте, следует рассматривать как интерпретанту, а базовые качества как интерпретирующее.]

Результаты первого и второго эксперимента позволяют также утверждать, что коллективные портреты и автопортреты являются элементами того, что можно назвать этническими типами (по аналогии с психологическими типами К.Г. Юнга). В связи с этим целесообразным представляется использование понятия этнического раппорта и резервата этнического характера (о понятиях раппорта и резервата личности см. [Юнг 1992: 58–60]), ибо наблюдается – несмотря на различие – несомненное сходство и в способах структурирования портретов и автопортретов, и в характере их когнитивно-аксиологических составляющих. Не менее явно (ср., например, АОА_р и АОА_а, АОР_р и АОР_а) прослеживается в портретах и автопортретах и предпочтительность в выборе базовых качеств, а также сфер деятельности – та предпочтительность, благодаря которой этническое и институциональное сознание приобретает специфическую (приоритетную) конфигурацию.

Базовые и периферийные качества широко используются в текстах – в лифакторах – в текстах, дающих положительную, отрицательную или смешанную характеристику тому или иному супраэтническому типу. Например, предложив 32 (4 русских и 28 киргизок в возрасте 20–22 лет) студенткам русского отделения Бишкекского педагогического института охарактеризовать мужчину-европейца и мужчину-азиата, мы получили (при одном отказе от описания мужчины-азиата и четырех отказах от описания мужчины-европейца) супратекст, в

⁴ В коллективном портрете японцев (японцы глазами русских) представлено более 70 качеств (свойств), в коллективном русском автопортрете – около 90. В антропонимическом фрагменте русского автопортрета представлено 56 имен.

котором были зафиксированы физические и социальные качества, присущие, по мнению ии., этим типам. (В супратексте представлены и фрагменты микросистемы запросов-требований, предъявляющихся к мужчине-европейцу и мужчине-азиату. Иными словами, этот текст носит и проективный характер.) Приведу в качестве образца два субтекста:

а) м у ж ч и н а - е в р о п е ц – "Высокий, стройный, крепкого телосложения, длинноногий. Глаза голубые. Блондин. Волосы волнистые. Нос прямой, узкий. По характеру прямолинеен, самолюбив, немного упрям". б) м у ж ч и н а - а з и а т – "Среднего (ниже среднего) роста, крепкий, смуглый. Волосы черные прямые, глаза раскосые, черные (карие). Нос приплюснутый, губы широкие. Отличительные черты характера: неуважительное отношение к женщине, уважение к старшим"; а₁) м у ж ч и н а - е в р о п е ц – "Высокого роста, стройный, физически развит, красивый", б₂) м у ж ч и н а - а з и а т – "Среднего роста, физически развит, стройный, красивый, уравновешенный, мужественный, добрый, понятливый, заботливый, гордый, умный, т.е. всесторонне развитый".

Если сравнить эти характеристики с некоторыми другими, то оказывается, что все они строятся на основе единых универсальных правил этнического и супраэтнического портретирования, предполагающих использование положительных и/или отрицательных ядерных качеств, изменение (в сторону повышения или понижения) их "слоевого" места или выдвигание на их место периферийных качеств, раппортную и резерватную балансировку, соотносимую, очевидно, с определенными антропонимами – эталонами (такое соотнесение происходит, по-видимому, преимущественно в имплицитной форме, хотя не исключено и эксплицитное использование антропонимов-интерпретант). Ср. следующие характеристики: "... люди на Западе смотрят на русского как на добродушного, добросердечного человека, который, однако, сравнительно легко становится раздражительным. Впрочем и в доброжелательных карикатурах, шаржах на русского человека его нередко показывают в образе медведя, которому основательно или безосновательно тоже приписывают аналогичные черты и качества. ... Западные немцы считают себя исключительно прилежными и пунктуальными людьми. Они полагают, что больше, чем представители других народов, любят порядок и порядочность, по их мнению, австрийцы, например, менее серьезные, менее пунктуальные и менее порядочные люди, в силу чего они и живут легче, чем немцы. С точки зрения западных немцев, итальянцы – еще менее надежные, зато более веселые люди и им жить намного легче... Другие народы Европы, в свою очередь, считают, что немцам свойственна аккуратность и порядочность, что они обожают совершенство в любой форме. Но при этом они ведут себя высокомерно и надменно по отношению к другим народам, считая свои знания исключительно высокими" [Хойер 1992: 234–236].

Показательно также, что, по мнению англичан (явное сравнение со своими качествами как с гипермелиоративными), американцы – слишком веселые, слишком увлекающиеся, слишком корыстные (хвастливые) и плохо соображающие люди [подстановка на место (гипер)мелиоративных качеств (гипер)пейеративных как запрещенных для себя, но возможных у других] [КУД 1992: 314–319].

В заключение мне хотелось бы указать на следующее: хотя изложенные выше экспериментальные результаты и их истолкование и носят предварительный характер, их прагматическая ценность несомненна. И не только для прагмалингвистики и психолингвистики, но и для языковедения как такового, если оно стремится стать антропоцентрическим или, иными словами, фиксирующим, объясняющим и прогнозирующим способы соотнесения вербальной среды с референтными (телеологическими) сферами: "...Манера мышления и есть возможность мысленного высказывания. Появление знака, если он оказывается подходящим, – это возможность устного или письменного высказывания; возможность семиологического или психосемиологического словесного выражения – это выбор знака, имеющий свои причины, свою психическую мотивацию" [Гийом 1992: 139–140].

Речевые маркеры, отсылающие к соответствующим референтным средам, важны также как указания (д и а г н о с т и к е м ы) на качественное (когитивно-когнитивное, эмотивно-аксиологическое) состояние невербального поведения в тех или иных этногруппах. В то же время эти маркеры релевантны в ономаσιологическом отношении: их конфигурации позволяют судить о приоритетах в распределении вербального материала в г р у п п о л е к т а х, которые целесообразно рассматривать в качестве койнезированной (редуцированной) формы существования идиолектного разнообразия.

Экспериментальные исследования такого рода и их результаты не менее значимы и для коррекции (квази)моделей порождения и восприятия речи. В частности, становится ясно, что в блоках (подблоках) этих моделей должны существовать и такие, которые "отвечают" за количественную ранжировку и качественную аранжировку онимов и соматизмов (ономастикон-блок/подблок и соматикон-блок/подблок).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абалакина М.А., Агеев В.С.* 1990 – Анатомия взаимопонимания. М., 1990.
Бердяев Н.А. 1990 – Философия неравенства. М., 1990.
Бердяев Н.А. 1990а – Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
Гадамер Х.Г. 1988 – Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.
Гийом Ж. 1992 – Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
КУД 1992 – Когда улыбаются джентельмены. 1000 шуток, юморесок и анекдотов / Сост., пер. с английского и литературная обработка А.Е. Порожнякова. М., 1992.
Пиз А. 1992 – Язык жестов. Что могут рассказать о характере и мыслях человека его жесты. Воронеж, 1992.
ССР 1992 – Социальный статус русских в сознании вузовской интеллигенции. Аналитическая записка по материалам социологического исследования (апрель – июнь 1990 года). М. – Воронеж, 1992.
Хойер В. 1992 – Как делать бизнес в Европе. М., 1992.
Юнг К.Г. 1992 – Психологические типы. М., 1992.